

Дм. С. Мережковский

БЫЛО И БУДЕТЪ

Дм. С. Мережковский

БЫЛО И БУДЕТЪ

Дневникъ

1910—1914

Петроградъ
1915

На пути въ Эммаусъ.

Сегодня люди говорятъ: Христось воскресъ. Но что при этомъ думаютъ и чувствуютъ? Можетъ быть, похожее на то, что чувствовали ученики Господни, когда шли въ Эммаусъ, разговаривая съ неузнаннымъ Спутникомъ о распятомъ, погребенномъ и не воскресшемъ Господѣ:

— А мы надѣялись было.

Сегодня Христось воскресъ, а завтра сытый отниметь хлѣбъ у голоднаго, такъ же, какъ отнималъ вчера. Сегодня Христось воскресъ, а завтра выйдутъ проститутки на улицу, такъ же, какъ выходили вчера...

.....
.....
.....
.....

Христось воскресъ, но все осталось попрежнему. Міръ какъ лежалъ во злѣ, такъ и лежитъ. «А мы надѣялись было».

«Если Христось не воскресъ, то тщетна вѣра ваша». Не тщетна ли, если даже воскресъ?

Почему мы перестали вѣрить? Потому ли, что доказана невозможность физическая того, во что мы вѣрили? Но физическая невозможность относится не къ

вѣрѣ, а къ знанію, къ порядку явленій, порядку здѣшнему; вѣра же—прорывъ, прозрѣніе (интуиція) въ иной порядокъ, «касаніе мірамъ инымъ». Нельзя доказать, что невозможное здѣсь невозможно и тамъ. Нѣтъ, не потому мы не вѣримъ, что доказана невозможность физическая, а потому, что открылась, или, кажется намъ, что открылась ненужность метафизическая того, во что мы вѣрили. Не какъ можно, а зачѣмъ нужно вѣрить,—вопросъ для вѣры убійственный. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужно вѣрить въ воскресеніе Христа?

Воскресеніе—побѣда жизни надъ смертью. Но въ смыслѣ родовомъ, безличномъ, такая побѣда всегда и вездѣ, на нашихъ глазахъ, совершается. Вся органическая жизнь есть не что иное, какъ вѣчная побѣда жизни надъ смертью, умираніе и воскресаніе. Каждая умирающая клѣтка нашего тѣла воскресаетъ въ новой клѣткѣ рождающейся; каждое растеніе—въ сѣмени; каждое животное—въ зародышѣ. Смерть особей, безсмертіе рода—таковъ законъ естественный. Для природы нѣтъ смерти, потому что нѣтъ личности; только въ человѣкѣ вмѣстѣ съ сознаніемъ личности возникаетъ и сознаніе смерти. Вопросъ о смерти—вопросъ о личности.

Что такое личность? Если только явленіе,—вопросъ рѣшенъ: смерть, конецъ явленія—конецъ личности. Вскочилъ пузырь на водѣ и лопнулъ; раздался звукъ и замеръ; вспыхнулъ огонь и потухъ. Было—какъ бы не было. Ничего не уничтожила смерть, только обнаружила дѣйствительное ничтожество того, что казалось, являлось чѣмъ-то. Нѣтъ воскресенія, потому что и воскресать нечему.

Но если личность—большее, чѣмъ явленіе,

если касается она мірамъ инымъ, хотя бы одною точкою, то смертию не рѣшается, а только ставится вопросъ о личности.

Христіанство есть откровеніе Христа, Абсолютной Личности. Вотъ почему оно и ставитъ вопросъ о смерти, какъ вопросъ о личности; вотъ почему основной догматъ христіанства—побѣда надъ смертию Абсолютной Личности—воскресеніе Христа.

Противоположный христіанству, древне-буддійскій и современно-европейскій отвѣтъ даетъ Шопенгауэръ, кажется, съ наибольшею ясностью не только философскаго, но и религіознаго (или анти-религіознаго) сознанія.

Principium individuationis—начало различенія, раздѣленія на личности—находится только въ мірѣ явленій, въ пространствѣ и времени. «То, что за явленіями, сущность міра—воля—единая и свободная отъ всякаго множества; она внѣ пространства и времени, внѣ *principii individuationis*. Индивидуумъ, лицо—уже не воля сама въ себѣ, а проявленіе воли и, какъ таковое, уже опредѣленно и вошло въ форму явленія». («Міръ, какъ воля и представленіе», II, 23). «Индивидуумъ—только явленіе; онъ исходитъ изъ ничего и возвращается въ ничто». Уничтоженіемъ индивидуумовъ «сама природа совершенно наивно высказываетъ великую истину, что только идеи (роды), а не индивидуумы (личности) имѣютъ дѣйствительную реальность, т.-е. суть полная объективация воли» (IV, 54). Единая воля дробится на множество личностей въ *principio individuationis*, пространствѣ и времени, какъ единый лучъ на множество искръ въ граняхъ стекла.

Haec omnes creaturae in totum ego sum, et praeter me aliud ens non est (всѣ эти твари суть Я, и, кромѣ Меня,

нѣтъ ничего сущаго),—говорятъ Упанишады Ведъ. Это значитъ: все—во мнѣ; я—ничто; все—ничто.

Міръ явленій—«обманчивое покрывало Майи, спускающееся на глаза смертныхъ». А раздѣленіе на личности, *principium individuationis*—ткацкій станъ, на которомъ ткется это покрывало.

Христосъ—высочайшая, но не Абсолютная Личность. Исшелъ изъ ничего и вернулся въ ничто. Умеръ и не воскресъ.

Такъ, вынувъ Христа изъ христіанства, Шопенгауэръ сливаетъ его съ буддизмомъ; смыслъ обѣихъ религій для него тождественъ: «отрицаніе воли къ жизни». Это же послѣдній смыслъ и всего мірового процесса: темная воля къ жизни, просвѣщенная познаніемъ, стремится къ самоуничтоженію, избавленію отъ муки жизни. «Нѣтъ воли—нѣтъ представленія, нѣтъ міра... Остается одно ничто. Мы прямо исповѣдуемъ: что остается за совершенной отмѣной воли для всѣхъ тѣхъ, которые еще исполнены воли, есть, конечно, ничто; но и наоборотъ, для тѣхъ, у кого воля обратилась вспять и отрицаетъ себя, весь этотъ нашъ столь реальный міръ со всѣми его солнцами и млечными путями—ничто»,—этими страшными словами заключаетъ Шопенгауэръ свою страшную книгу.

Такъ вотъ для чего ему нужно было отрицаніе Абсолютной Личности, Христа воскресшаго,—для утвержденія воли къ небытію.

Къ тому же, къ чему пришла современная метафизика, приходитъ и современная эмпирика. Проф. Мечниковъ въ своемъ ученіи о біологическомъ циклѣ рѣшаетъ вопросъ о смерти хотя въ иной плоскости, но почти въ томъ же смыслѣ, какъ Шопенгауэръ.

Смерть страшна и болѣзненна, потому что въ теперешнемъ состояніи человѣческаго организма люди умираютъ преждевременно; когда же они будутъ доживать до глубочайшей старости, завершая «біологическій циклъ», естественный кругъ животной жизни, то смерть перестанетъ быть страшною. Какъ при наступленіи ночи является желаніе сна, такъ при наступленіи старости—желаніе смерти: старому, какъ усталому, «умереть—уснуть». Всѣ религіи, ученія о безсмертіи личности, основаны на страхѣ смерти; съ его исчезновеніемъ исчезнутъ и всѣ религіи.

При такомъ рѣшеніи вопроса о смерти, не приходитъ въ голову мысль о томъ, что страхъ смерти, животный, безличный, безсознательный, и страхъ человѣческій, личный, сознательный—не одно и то же; что страхъ смерти не обостряется, а притупляется болью, какъ пьяною горечью оцета. Чѣмъ меньше боль, тѣмъ больше страхъ, тѣмъ яснѣе сознаніе, неотразимѣе вопросъ: что же будетъ съ тѣмъ, что было личностью? Живой песъ лучше ли мертваго льва? Тутъ для природы, для біологіи нѣтъ вопроса, но для психологіи, для человѣка—есть. И отказаться отъ этого вопроса нельзя, не переставъ быть человѣкомъ. Безболѣзненная смерть, конецъ «біологическаго цикла»,—можетъ быть, и «мирная», но не «непостыдная кончина живота». Чѣмъ безболѣзненнѣе, тѣмъ постыднѣе.

Вотъ мертвая Корделія въ объятіяхъ Лира. Какое ему дѣло до «біологическаго цикла», до безболѣзненной смерти будущихъ людей? Она сейчасъ мертва, и сейчасъ не ей, а ему больно. Собака жива, кошка жива, послѣдняя тварь жива, а она мертва. Онъ любилъ ее живую, любитъ и мертвую. Но мертвая—ничто. Какъ

же любить ничто? Смыслъ жизни—любовь, и этотъ смыслъ—безсмыслица?

Воля жизни совершаетъ «біологическій циклъ»; когда же циклъ законченъ, дѣло жизни сдѣлано,—обманчивое покрывало Майи падаетъ, и открывается истинный смыслъ или безсмыслица жизни—воля къ смерти, воля къ небытію.

Какъ ни различны Шопенгауэръ и Мечниковъ,—въ этомъ они согласны. Но что для одного—трагедія, то для другого—идиллія; одинъ—пессимистъ, другой—оптимистъ; одному тяжело и страшно, другому легко и весело. Можетъ быть, впрочемъ, эта веселость страшнѣе самага страшнаго?

Шопенгауэръ и Мечниковъ высказали то, что носится въ воздухѣ современной европейской культуры, какъ на пустынныхъ вершинахъ метафизики, такъ и въ многолюдныхъ долинахъ эмпирики: современный христіанскій Западъ сходится съ древнимъ буддѣйскимъ Востокомъ въ отрицаніи воли къ жизни, въ утвержденіи воли къ небытію.

Проваль воли къ жизни—проваль личности. Не стало личности—не стало смерти. Безличность—безсмертность.

Вотъ почему воскресеніе для насъ—самая ненужная изъ ненужностей, самая нелѣпая изъ нелѣпостей. Умирать нечему—воскресать нечему.

Да, смерть исчезла. Мы живемъ, думаемъ, чувствуемъ, дѣйствуемъ такъ, какъ будто нѣтъ смерти. Наша первая заповѣдь—забвеніе смерти. Напоминать о смерти неприлично въ высшей степени. Когда въ Парижѣ совершаются гражданскія похороны то къ дому покойника подъѣзжаетъ изящная карета съ продолго-

ватымъ задомъ—чернымъ, длиннымъ и узкимъ лакированнымъ ящикомъ. Въ ящикъ опускаютъ покойника, и онъ скользитъ въ него такъ тихо и быстро, такъ незамѣтно, прилично, что сразу не поймешь, въ чемъ дѣло. Египетскія пирамиды и этотъ лакированный ящикъ—воплощенные мысли о смерти.

Смерти не знаютъ боги и звѣри. Какое же наше незнаніе—божеское или звѣрское?

Противъ воли къ небытію возразить нечего, можно только спросить: зачѣмъ же терпѣть существованіе, по словамъ Шопенгауэра, «частью ничтожное, а частью ужасное»? Не лучше ли покончить сразу, какъ учатъ индійскіе поклонники богини Кали, спасающіе міръ отъ воли къ жизни убійствомъ и самоубійствомъ?

А, можетъ-быть, къ этому мы и идемъ? Духъ убійства уже надъ Европою носится. Вооруженные народы готовы, какъ пьяные ножовщики или хищные звѣри, другъ на друга кинутся, чтобы начать такую бойню, какой еще міръ не видалъ.

Духъ убійства надъ Европой носится, а надъ Россіей—духъ самоубійства. Пуля, петля и ядъ сдѣлались у насъ «явленіемъ бытовымъ», общественнымъ, едва ли не главною частью нашей конституціи. По слову Тертуллиана о мученикахъ, мы летимъ на смерть, какъ пчелы на медъ. Если такъ дѣло дальше пойдетъ, то скоро утолится вполнѣ наша воля къ небытію.

Кто лучше, убійцы или самоубійцы? Во всякомъ случаѣ, ни для тѣхъ, ни для другихъ не нужно воскресеніе.

Такъ почему же въ эту Свѣтлую ночь, когда поютъ: Христосъ воскресъ,—горитъ наше сердце, какъ-будто все еще съ нами неузнанный Спутникъ, какъ тогда, на

пути въ Эммаусъ. «Не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ?»

— Отчего вы такъ печальны?

— Развѣ Ты не знаешь?

— О чемъ?

— Чтò было съ Іисусомъ Назаряниномъ; какъ предали и распяли Его. А мы надѣялись-было...

— О, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать!..

Вѣровать не можемъ, такъ будемъ знать: если Христосъ не воскресъ, не совершилась надъ смертью побѣда Абсолютной Личности, то послѣдній смыслъ жизни—безсмыслица, воля къ небытію, и духъ убійства, самоубійства неотразимъ.

Хотимъ ли мы этого? Прежде, чѣмъ рѣшить, подумаемъ и взглянемся въ лицо неузнаннаго Спутника. Не узнаемъ ли Его? Не скажемъ ли:

— Христосъ воскресъ, воистину воскресъ.

Смерть Толстого